

ЗА РОДИНУ

Последнее сообщение дня:

США предупреждают англичан

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). В интервью с представителями английской печати Вендель Уилки высказал предостережение английским чиновникам в США — не вмешиваться в политику Америки.

С. И. КЛИМУШИН

Лицо врага

Последние события на Восточном фронте — планомерный отход германских войск и занятие Красной армией новых территорий — является поворотным моментом в великой борьбе против жидо-большевизма.

События эти имеют крайне важное значение не только в военно-стратегическом смысле, но еще большее — на идеологическом участке борьбы, вскрывая до конца подлинную сущность некоторых политических теорий, свивших себе гнездо среди той части людей, которых даже кровавое большевицкое господство до сих пор ничему не научило.

Нас, сознательно перешедших в первые же дни войны на сторону нового порядка, временный отход германских войск, конечно, не может поколебать. Мы твердо знаем, что наша судьба неразрывно и навсегда связана с судьбой германского народа, что в случае поражения Германии погиб бы и мы. Возврата в царство НКВД для нас не может быть никогда.

Вместе с тем мы не можем не видеть, как в ходе последних событий то тут, то там приоткрываются маски и из разных щелей выползают те, кто все эти два года тщательно скрывал свое подлое лицо врага в среде освобожденного народа. Мы далеки от того, чтобы, следуя испытанным рецептам НКВД, клеймить направо и налево, не разбирая, где подлинный враг, а где трусость и непонимание.

Лицо врага для нас достаточно ясно.

Когда нашу молодежь освобожденных областей начинают пичкать героическими эпизодами русской национальной борьбы и многозначительно умалчивают о том, что сейчас дело идет не о защите территории от чужой нации, а об освобождении народа от власти кровавожадных насильников, среди которых не малое число своих же русских, когда об этом умалчивают, — для нас ясно, что это враг готовит удар против нас.

Когда нам говорят, что советская власть, конечно, плоха, но наш раньше темный народ за 25 лет неизмеримо культурно вырос, построил колоссальную индустрию и освоил ее, — мы не сомневаемся ни минуты, что это пропаганда большевиков, ибо мы лучше, чем кто-либо знаем, чего стоит эта культура и к чему привела эта сталинская индустрия.

Когда нас стараются убедить, что мы — прежде всего русские, и несмотря на это, все же борцы против большевизма, мы ясно видим, кто говорит этими устами, ибо мы прежде всего — непримиримые враги Сталина и жидовства и это для нас определяет все.

Двадцать пять лет не прошли даром. Мы знаем, с каким врагом мы имеем дело. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сейчас почти нет такого идеологического участка, куда бы чекисты не протянули своих окровавленных щупальцев. Мы слишком далеки от того, чтобы не дооценивать НКВД. Но мы знаем также свою силу и знаем во имя чего мы боремся.

Пусть нас не пугают, что если мы не объявим сейчас же, немедленно Великой России от моря и до моря и от горы до горы, то народ не пойдет за нами. Наш трудовой народ не забыл и не может забыть, сколько раз обманывали его под этими лозунгами Великой России и Великого Советского Союза. Наш народ различает своих друзей по их делам.

Мы не можем не видеть, как крестьянин освобожденных областей принимает из рук немецкого солдата лошадь, новую молотилку и плуг, как благодарит его, не думая о том, что на солдате немецкий мундир.

Мы не можем не видеть, как дружно и любовно склоняются над станком русские и немецкие рабочие, хорошо знающие, что трудовой пот одинаково пахнет под немецким жилетом и под русской рубахой.

Мы не можем не видеть, с другой стороны, кто орудует сейчас «священными» лозунгами «от моря и до моря» и «единения славянства», провалившись с треском на идеи «рабочей солидарности».

Банду Кагановичей, сумевших поработить наш народ, мы не можем считать нацией. Вместе с тем глупо и наивно думать, что за двадцать пять лет эти Кагановичи не сумели подготовить себе опору в лице некоторой части русских людей, защищающих их не за страх, а за совесть. Еще глупее и наивнее думать, что эти люди переродились сразу же, как только перешли фронт и оказались отрезанными от своих хозяев. Выходцы из крестьянских и рабочих слоев, — эти люди давно уже оторвались от производительного труда и превратились в паразитический гнойник на теле русского народа. Они хорошо усвоили себе наказ НКВД: проникать всюду и надевать любую личину.

Германия, ведущая смертельную непримиримую борьбу со сталинской властью, Германия, посылающая своих сынов на бой не во имя порабощения России, а во имя уничтожения жидовской власти, представляющей для Европы постоянную угрозу, — Германия, кровно заинтересованная, как и русские крестьяне и рабочие, в уничтожении большевицких захватчиков — Германия является той силой, о которую разобьются все прощиски хитрого и беспощадного в своей иудейской непримиримости большевизма.

Новое наступление японцев

Токио, 25/10. (Корр. «З. Р.»). В связи с сильными контратаками, начатыми несколько дней тому назад японскими войсками в районе Финшгефена, на Новой Гвинее, императорская японская ставка сообщает: Японская армия в районе Финшгефена продолжает наступление. Войска обеих сторон получили подкрепление и начиная с 16 октября ведутся упорные бои.

В районе Соломоновых островов и Лае, в ожесточенных боях японские части нанесли противнику тяжелые потери. С начала сентября японские войска стали концентрироваться в районе к северу от Лае. Этот маневр был завершён нашими войсками в середине октября. Неприятельские потери за это время — более 12.000 человек, японские — 2.000. Войска в районе Маданга, в начале октября, начали штурм неприятельских позиций на правом берегу верхнего течения реки Раму.

Самолеты японской морской и армейской авиации поддерживали операции наземных сил налетами на неприятельские воздушные базы, морское снабжение, а также отражая воздушные атаки противника. В почти ежедневных налетах и воздушных боях японские самолеты с 1-го сентября достигли следующих успехов:

Сбито 164 англо-американских самолета, повреждено пять.
Потоплено 4 крейсера, 2 эсминца, 18 транспортов, 6 минносцев, 4 небольших транспорта и множество десантных лодок противника.
Японцы потеряли 49 самолетов.

Успехи русских рабочих в Германии

После бедствий в СССР — новая жизнь в стране Гитлера

Берлин, 25/10. А вот и последняя оставшаяся. Очертания Берлина в утреннем осеннем тумане издали напоминают, что мы находимся на пороге города-сердца Новой Европы. Еще пять минут ходьбы и совершенно забываешь, что только час езды отделяет нас от кипучей жизни столицы Веймарской Германии.

У самых ворот пространной фабричной территории, на которой находятся также привлекательные строения, в которых размещены русские рабочие, легкий ветерок качает позднецветы, кругом ни души и лишь доноситься равномерный шум машин говорящий о том, что несколько сот русских сейчас заняты важной и ответственной работой, которая служит приближению часа окончательной победы над большевизмом.

У нас достаточно времени, при содействии главного инженера фабрики, ознакомиться с отдельными корпусами и тут же, у станков, побеседовать с нашими соплеменниками. В кратких словах, не отвлекая от работы, русские труженики рассказывают о своих новых задачах, освоении методов производства и специализации.

«Тут, в Германии, — говорит механик Федор Андреевич Горохов, — не теряют лишнего времени на разные графики и разговоры о перевыполнении планов, а упорным и сознательным трудом дают максимум возможного. Наши немецкие коллеги к нам подошли чутко и дружелюбно. Если мы и в первое время боялись известных трудностей, то дельные указания и терпеливость немецких инструкторов сделали свое. Германское оборудование, в свою очередь, для нас оказалось большим подспорьем. Оно дает все возможности работать рационально, без нервозности, внушает уверенность».

Помещения фабрики хорошо освещены,

Беспредельный большевицкий террор

Народ под гнетом Сталина

Вопли и жалобы вдов и сирот — для Кремля пустой звук

Псков, 25/10. Садизм большевицких палачей беспредельно. Это еще лишний раз доказывает секретное распоряжение № 1734—ВК, подписанное Сталиным, согласно которому запрещается сообщать родным о смерти красноармейцев, павших на фронте или умерших в лазаретах. Имеется также приказ подвергать

от НАШЕГО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА АНАТОЛИЯ ПЕТРОВА

строгой цензуре все письма полевой почты и немедленно уничтожать все без исключения письма, содержащие такие извещения. Родным и близким красноармейцев вообще не сообщают

Крупные германские оборонительные успехи

За два дня уничтожено 218 советских танков

ИЗ ГЛАВНОЙ СТАВКИ ФЮРЕРА

23/10. Верховное командование германских вооруженных сил сообщает: В боях между Азовским морем и Запорожьем вчера, после особенно ожесточенных боев, германцами достигнут крупный оборонительный успех. При этом, рядом с прекрасно боюющейся германской пехотой, особенно отличалась германская артиллерия.

В районе вклинения юго-восточнее Кременчуга германская авиация неоднократно тяжелыми налетами сильных соединений боевых самолетов и самолетов ближнего боя в значительной степени парализовала наступательную силу ударных большевицких соединений и передвижение войск противника. За вчерашний день в этом районе происходили лишь местные атаки пехоты и танковых частей. Они были отражены в тяжелых боях, причем ликвидированы временные вклинения. Германской контратакой силы противника далеко отброшены, несмотря на ожесточенное сопротивление большевиков. Германские авангарды вклинились в маршевые колонны неприятеля, заняли населенные пункты и причинили противнику высокие потери.

В Днепровской петле, юго-восточнее Киева и в районе северо-западнее Чернигова в тяжелых боях были отражены многочисленные атаки большевиков.

Западнее Смоленска, по обоим сторонам автомобильной шоссеиной дороги, после необычайно сильной артиллерийской подготовки, противник продолжал свои попытки прорыва.

В ответ на несколько вклинений противника в германский фронт, в сразу же начавшихся германских контратаках, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, часть потерянной территории захвачена обратно.

За последние два дня на Восточном фронте разбито 218 большевицких танков.

С Южно-итальянского фронта, ни о каких значительных боевых действиях, кроме оживленной обоюдной разведывательной деятельности, не сообщают.

Сильные соединения германских боевых самолетов бомбардировали неприятельский порт снабжения Неаполь и попаданием бомб вызвали большие пожары и значительные повреждения на набережной, в районе якорных стоянок судов, на складах и сложенных материалах.

В восточной части Средиземного моря германская авиация крупными силами атаковала одну островную опорную точку противника.

Прошлой ночью соединения английских бомбардировщиков залетели на территорию Средней и Южной Германии и произвели, главным образом, на город Кассель, тяжелый террористический налет, вызвавший разрушения в жилых кварталах города. Население понесло потери. Германские оборонительные силы, по имеющимся до сих пор сведениям, уничтожили 48 тяжелых бомбардировщиков противника.

Германские боевые самолеты прошлой ночью снова бомбардировали объекты в районе города Лондона.

ют никаких сведений, объясняя это «подвижностью» фронта.

Примечательно, что большевицкие заправилы никогда не комментируют подобных распоряжений. Причина этого рода действий вполне понятна, так как даже средний советский обыватель, бывший свидетелем стольких большевицких злодеяний, не может без волнения следить за необычайно большими потерями Красной армии. Поэтому Сталин предпочитает, оставаясь верным своей лживой политике, держать в неизвестности миллионы жен, матерей и детей.

Красные кремлевские главари всегда обманывали красноармейцев, от них скрывалась истинная причина возникновения войны, а также все важные военные операции. Советское правительство не знает искренней и честной политики. Понятно, что оно обманывает тыл не меньше, чем фронтовики.

Что значат для кремлевских властителей вопли отчаяния измученного советского населения? Что означают для них слезы бесчисленных вдов и сирот, реками льющиеся днем и ночью. Все бедствие народа для советских правителей равно ничего не значит. Цель большевиков одна: сохранить самих себя. Все их заботы сводятся лишь к заботам о собственном благополучии. Чтобы сохранить его, они жертвуют миллионами людей, жертвуют молодым поколением всей страны.

Было бы, конечно, опасным давать родным точные сведения о судьбе их мужей, отцов и братьев. Возмущение подсоветских людей под конец все же могло бы прорваться и смести кровавожадную свору, окружающую Сталина. Но еще не настало время, когда поднимется эта народная сила. В Кремле еще трубят победу, но пробуждение будет страшным!

Московские жида не думают о сохранении русской крови. Они хотят провести свой дьявольский план, чего бы это не стоило. Но и большевицкие человеческие резервы иссякнут. Разумная и умелая военная тактика немцев использовала этим летом положение в свою пользу. Эластичная оборонительная борьба германских войск потребовала от Красной армии бесконечных жертв. Прибавив к советским человеческим потерям еще и материальные, мы дойдем почти до астрономических цифр, доказывающих нам, что большевики находятся в совершенно безнадежном и безвыходном положении. К тому же, впереди для них предостоят тяжелые сражения.

Кровавый большевицкий террор в Смоленске

Витебск, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Как сообщают очевидцы, в областях, вновь занятых большевиками, царит бешеный террор. Комиссия НКВД производит массовые аресты и после поверхностного следствия выносят бесчисленные смертные приговоры или ссылают людей в концлагери. В Смоленске население, узнав о приближении большевиков, было охвачено страхом. Небольшое число оставшихся жителей чекистами было собрано на городской площади, мужчины отделены от женщин и каждый пятый приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение за чертой города — у кладбища. Остальные мужчины были немедленно мобилизованы, а женщины привлечены к очистке местности от мины. При этом за два дня погибло свыше 3.200 женщин.

Все новые большевицкие зверства

Гомель, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Неоднократно отмечено, что обобы русских, покинувших дом и двор, спасаясь от большевиков, подвергались беспощадному обстрелу со стороны советских штурмовых самолетов. Эту бесчеловечность все же нельзя сравнить со зверствами, чинимыми большевиками во вновь занятых ими областях. На германские линии ежедневно прибывают беженцы, оставшиеся на месте при уходе германских войск, но обманутые в доверии к Красной армии. Оборванные и изможденные они теперь приходят к германским солдатам просить защиты и хлеба.

ОТ НАШЕГО БЕРЛИЙСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА БОРИСА ШАТОВА

а образцовая вентиляция обеспечивает приток свежего воздуха.

В разговор вступает немецкий инженер: «Если вы повсюду наблюдаете полный порядок и чистоту, то не думайте что это только наша заслуга. Русские рабочие делают все необходимое для поддержания порядка. С такими людьми можно хорошо работать!»

Незаметно проходит несколько часов. Фабричная сирена возвещает обеденный перерыв. В опрятной столовой, на длинных белых столах дымятся сытный суп. Хороший черный хлеб. Кто-то включает радио и в зал врывается бодрящая мелодия вальса. За нашим столом около тридцати человек — мужчины и женщины. Разговор завязывается совсем непринужденно. Каждый рад познакомиться с русским журналистом и в незамысловатых словах рассказывает о своей жизни. Оказывается, что большинство занятых здесь русских в Германию прибыли из Сталинградской области.

«Немцы нас увезли из самого пекла боев, — говорит Татьяна Александровна Крутова и на минуту прерывает еду. Она как бы мысленно переносится в Россию, вспоминая пережитое. «Не будь немец, мы бы погибли. Приехали мы сюда с жалкими остатками нашего имущества. Остальное уничтожили большевики. Теперь, как видите, приходится, обзавестись самым необходимым».

Все русские живо интересуются событиями на фронте, при чем в каждом слове сквозит ненависть к Сталину и его кровавым опричникам. Начальница поселения

русских рабочих, Авдотья Сергеевна Бордоко, в прошлом учительница в Сталинграде, повествует о последних днях под большевицким террором: «Гражданское население ютились в погребах почти совершенно разрушенного города, не имея ни малейшей возможности выбраться из моря огня и металла. Большевики не думали о спасении женщин и детей, а наоборот всячески терроризировали несчастных. Загнанных, совершенно изможденных людей принудили немцы. И, о, чудо, — ведь для многих, одурманенных ложью кремлевской агитации о «зверствах фашистов», хорошее отношение немцев в первое время казалось чем-то непостижимым, — германский солдат голодным русским давал хлеб, кормил их из общего котла. Первое знакомство с германской армией бывшим подсоветским людям открыло глаза. И когда нам предложили добровольно отправиться в Германию на работы, мы радостно изъявили свое согласие. Нас не обманули. Сразу же, по прибытию на новое место работы, нас окружили заботой».

Один из самых старших русских рабочих фабрики, Федор Парамонович Гусляров, в среде наших соплеменников снискал общее уважение. «Бывает, что более молодые рабочие, — говорит он, — иногда не всем довольны. В таких случаях я им говорю: друзья, теперь война и никогда не следует забывать, что наше положение несравненно лучше жизненных условий наших братьев и сестер по ту сторону фронта. Мы здесь ни в чем не нуждаемся, а самих прилежных из нас немецкое руководство всячески поощряет и награждает. Вот, когда же это говорить своим друзьям, приятно видеть, что они соглашаются. Да, многому мы научились в Германии. Большевицкая злейшая враг и мы поняли, что только теперь для нас открыт путь к новой свободной и счастливой жизни.»

Иностранная хроника

Германия

Регенты Болгарии у Фюрера

Берлин, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Фюрер принял членов болгарского совета регентов, принца Кирилла Болгарского и профессора Филова.

Фюрер совещался с принцем Кириллом и профессором Филовым о всеобщем положении и совместных актуальных вопросах. В этой встрече принимали участие германский министр иностранных дел фон Риббентроп, генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал Иодль.

Переговоры у Фюрера протекали в духе сердечной солидарности и были проникнуты чувством испытанной традиционной дружбы между Германией и Болгарией.

Великий немецкий врач

Берлин, 25/10. (От нашего корреспондента). Профессор д-р Зауэрбрух, руководитель берлинской хирургической университетской клиники, принадлежит к популярнейшим врачам современности. Его достижения в медицине широко известны во всем мире и сильно приближали современную медицину к общедоступности. Профессор Зауэрбрух, являющийся также членом прусского государственного совета, награжден национальной премией, а также рыцарской степенью креста за военные заслуги. Он учился в университетах Иены и Лейпцига, после чего начался его успешная деятельность. Его работа в Мюнхене и многосторонний опыт, приобретенный им во время первой мировой войны, дали ему возможность выработать новые методы лечения, облагодетельствовавшие в первую очередь военных инвалидов. Его протезы, действующие посредством мускулов обрубков ампутированных конечностей, являются чудесами тонкой механики. «Искусственные руки» и ножные протезы настолько им усовершенствованы, что вместо потерянных конечностей создаются искусственные, с помощью которых инвалид может даже осязать, правда, еще пока грубо. Например — отличить глиняную посуду от книги.

Развитие и создание «способа дифференцированного давления» приобрело теперь огромное значение для легочных больных и операций грудных клеток. Благодаря введению этого способа, не только удалось спасти жизнь многим раненым, но применение так называемого «искусственного плеймоторакса» часто удавалось совершенно исцелить туберкулезных больных. Добиться этих, поистине революционных, научных успехов не было возможно, если бы великий врач-исследователь и академик одновременно отдавался бы своей хирургической специальности. Именно его обширные познания в химии и биологии, учения о витаминах, исследование рака и действия гормонов, а также других проблемах внутренней терапии — создали основу для смелых нововведений, резко расходящихся с чисто механическим пониманием медицины. Изучение душевных процессов во время болезни, описанное Зауэрбрухом в его труде о болезненных явлениях, подготовило почву для врачебных методов, требующих взаимодействия всех отраслей науки.

Профессор Зауэрбрух, родившийся в 1857 году в Бармене, еще сегодня занят решением важных задач, разрешением которых идет на пользу всему человечеству. Зауэрбрух принадлежит к гениальным личностям, посвятившим всю свою жизнь фанатическому служению, — облегчению страданий людей.

Б. Шатов.

Япония

Парад студентов-призывников

Токио, 25/10. (Корр. «З. Р.»). В Токио произошел массовый парад студентов токийского и окрестных районов, призванных на военную службу. На токийском стадионе собралось около 65.000 студентов и студентов — коллег призывников. В сопровождении

военного оркестра огромные колонны молодых людей, еще в студенческих формах, но обутых уже в военные гамашы и вооруженных винтовками, прошли по стадиону, где были встречены публичкой восторженными овациями.

Премьер министр Тойо к новым бойцам обратился с речью, в которой выразил уверенность, что молодые японцы, сознавая свой долг перед родиной, на поле брани проявят превосходный боевой дух.

Америка

«Чертовски трудная война»

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает агентство Рейтер из Вашингтона, американский военный министр Стимсон, начальник штаба американской армии, генерал Маршалл и другие военные руководители на секретном заседании палаты депутатов дали обзор военного положения.

После заседания члены конгресса в разговоре с корреспондентом заявили, что Япония быстрее строит свои самолеты, чем США успевают их уничтожить. Проблема рабочей силы в Японии не так серьезна, как в США. Подвоз снабжения остается одной из главных трудностей войны, так как при выгрузке американцы всегда несут большие потери. Морские же суда далеко еще невозможно заменить самолетами.

Один из членов конгресса следующим образом закончил свой доклад: «Из слов генерала Маршалла у нас создалось впечатление, что мы ведем чертовски трудную войну».

Распродадут похищенные сокровища

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает из Лондона газета «Фолькет Дагблад», в Нью-Йорке на художественных аукционах продано много сокровищ итальянского искусства. За последние дни редких итальянских ценностей было продано на общую сумму в 30 миллионов долларов. Большинство этих сокровищ расхищено из музеев, оккупированных англо-американскими итальянскими и сицилийскими городами, а также из частных коллекций.

Жиды стремятся заткнуть войну

Женева, 25/10. (Корр. «З. Р.»). В то время, как жидовские разгильдяи нынешней войны предоставляют посланным им на фронт солдатам истекать кровью, они сами, как и в 1914—1918 г. г., набивают карманы золотом. Они жаждут заткнуть войну как можно раньше. Известный лондонский журнал «Ньюс Лидер» пишет, что для того, чтобы узнать, кто в Америке в действительности заинтересован в затяжной войне, достаточно перелистать нью-йоркскую финансовую прессу. Там можно найти заголовки, вроде: «Слухи о мирных переговорах понижают хлопковые акции», «Слухи о мирных переговорах понизили акции на четыре и шесть пунктов». Некий хлопкопрмышленник в еженедельнике «Нью-Йорк Колл» поместил даже стишки про понижение акций. В них говорится: «Коль скоро кончится война, не выгадаем мы ни черта. Хлопок в цене идет на убыль, весь свет с печали слезы льет, коль мир наступит внеарок...»

Индия

Возрастает активность борцов за свободу

Бангкок, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Английское информационное агентство вынуждено признать, что за последнее время снова усилилась активность борцов за освобождение Индии. В Пеншаваре — главном городе индийской северо-западной пограничной провинции несколько дней тому назад в правительственном здании возник большой пожар. В то же время загорелся и городской склад горючего. На тушение пожара было отряжено шесть моторных насосов и 600 солдат. Однако, огонь удалось погасить лишь через несколько дней. Материальные убытки значительны.

Под английским кнутом

Бангкок, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Годное бедствие в Индии, вызванное англичанами, которые, как известно, реквизируют и вывозят оттуда запасы риса, предназначенные для населения, продолжает расширяться. Годом приняла опасные размеры и в индийской пограничной провинции Ассам. В Мадрасе снабжение населения рисом и другими продуктами тоже совершенно недостаточно, так что и здесь положение становится все серьезнее.

После того, как недавно из Дели поступило сообщение, что из-за голода в Мисоре разразилась тяжелая эпидемия холеры, теперь сообщают об участившихся случаях заболевания этой болезнью в северо-западной пограничной провинции Индии. В Пеншаваре, столице провинции Хазара, от этой эпидемии уже погиб 61 человек.

25.000 жертв голода

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает из Лондона газета «Ниа Даглитт Алганда», голод в Бенгалии, повидимому, потребует больше жертв, чем в 1876 году. За истекшие недели от голода умерло около 25.000 человек. Тогда общее число жертв составляло 30.000. В Калькутте свирепствуют страшные эпидемии холеры, малярии и тифа.

Отставка бенгальского губернатора

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Лондонское информационное агентство сообщает, что губернатор Бенгалии, сэр Джон Герберт, «из за плохого состояния здоровья» подал в отставку. Ему потребуются «продолжительное лечение», пока он настолько оправится, что сможет снова принять на себя тяжелую, «ввиду неблагоприятного климата», ответственность губернатора Бенгалии.

Итальянские предатели торгуются

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Английская газета «Ньюс Стэйтсмен энд Нэшен» в передовой статье осуждает Виктора Эмануила, Бадольо и их сомнительную или, в англо-американскую политику в Италии называет совершенно неудачной. Газета спрашивает: «Что, в сущности, происходит между Бадольо и Эйзенгауэром? Повидимому, Виктор Эмануил старается набить себе цену. Что он требует, для нас все еще тайна. Гарантию ли его монархии? Или же он хочет каких-либо крох из своих потерянных заокеанских владений? Полуофициальное заявление Вашингтона по этому поводу подтвердило, что поведение Виктора Эмануила «дает повод к критике».

Вздорожание в оккупированной части Италии

Женева, 25/10. (Корр. «З. Р.»). «Дейли Телеграф» пишет, что в той части Италии, где появились войска 8-ой британской армии, неизмеримо растут цены. За одну только неделю они не только удвоились, а удесятились.

Конкуренция между Англией и США

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Как сообщает газета «Дейли Ньюс», издаваемая американскими еженедельниками «Тайм» и «Лайф» Генри Люс, совместно с фильмовым магнатом Говардом Хьюгом, купил военное воздухоплавательное общество «Така». Покупка этих весьма важных для внутреннего американского сообщения воздушных линий произошла, как объясняет нью-йоркский «Уолл Стрит Журнал», из-за боязни, что «англичане перехватят их у американцев». Из этого сообщения следует, что конкуренция между Англией и США в области воздухоплавания принимает все более резкие формы.

Недостает судов средней величины

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Английский журнал в обзоре положения британского судоходства критикует методы демократически-парламентарной правительственной системы, приведшей к тому, что члены парламента, не имеющие никакого понятия в судоходстве, не отпустили на

это дело достаточных средств. Следствие этого налицо: Англия теперь испытывает острый недостаток в судах средней величины, особенно подходящих для составления караванов. Английское правительство своевременно не позаботилось о постройке соответствующих судов, и теперь во флоте образовалась большая брешь. Правда, в последнюю минуту была сделана попытка заполнить эту брешь, однако, несмотря на крупные затраты, желательного успеха добиться не удалось.

Новые антиарабские мероприятия англичан

Салоники, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Британские власти выступили с резкими мерами против населения арабских деревень, отказавшегося сдавать свою сельскохозяйственную продукцию жидовским продовольственным инспекторам. На каждую деревню была наложена натуральная подать, и население в течение двадцати четырех часов должно было сдать большое количество ягн, рогатого скота, птицы и т. д. Кроме того, у населения этих деревень отнят сахарный и рисовый пакк на шесть месяцев вперед.

Арабская газета «Ал Дифаа» опубликовала телеграмму, содержащую резкий протест арабов против этих грабительских мер.

Произвол янки в Северной Африке

Винго, 25/10. (Корр. «З. Р.»). В местечке Стантино, в Алжире, по приказу американских арестован и сослан французский владелец копей — Антуан Гонон. По мнению осведомленных экономических кругов французской Северной Африки, этот арест, так же, как аресты других французских промышленников, совершен потому, что Гонон противился американским стремлениям, метившим на сдачу ценных ископаемых американскому капиталу. Во французских экономических кругах царит общее возмущение этим актом произвола.

Последние новости

Японские военные атташе у Роммеля

Берлин, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Фельдмаршал Роммель в своей ставке принял военных атташе императорского японского посольства при республиканско-фашистском правительстве Италии. В продолжительной беседе проявился крупный интерес японского императорского правительства к нынешним и предстоящим операциям на итальянском фронте.

Две тысячи солдат Бадольо убито англичанами

Берлин, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Десять британских бомбардировщиков, в двадцати пяти морских милях к северу от острова Лрита, атаковали и тяжело повредили германское судно, шедшее в Грецию. На пароходе находилось 2300 солдат войск Бадольо, в том числе 150 офицеров. Из них удалось спасти лишь 400 человек.

Новый британский главнокомандующий

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Адмирал Джон Кэнингхэм назначен главнокомандующим британским средиземноморским флотом, вместо адмирала Грю Кэнингхэма. Оба Кэнингхэма — родственники.

Турецкий посланник у Хорти

Будапешт, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Правитель венгерского государства принял вновь назначенного в Будапешт турецкого посланника Севкет Фуад Кецини, вручившего свои верительные грамоты.

Забастовки в Англии

Стокгольм, 25/10. (Корр. «З. Р.»). Началась забастовка металлургов на английской судостроительной верфи «Смис Док Компани».

Новое аргентинское правительство

Буэнос-Айрес, 25/10. (Корр. «З. Р.»). В состав нового аргентинского правительства вошли следующие лица: президент государства — дивизионный генерал Педро Пабло Рамирес, вице-президент и военный министр — бригадный генерал Эдмундо Фаррел, министр иностранных дел — генерал Эрнест Дабльберт, министр внутренних дел — генерал Луис Ц. Перингер.

Помогут ли?

Илья Эренбург опубликовал «большую гвалт» к мировому еврейству. В воззвании он спрашивает: «Как можете вы в Нью-Йорке спокойно спать? Требуется отправки вас на фронт в Европу... Отбросьте заботы о теплых местечках, удобствах, привычках — устремитесь в воюющие страны... Жертвуйте вашей жизнью... Проклятые тому, кто в этом решающем году останется в стороне от событий».

Хорошо говорит Эренбургу, сидящему в советском тылу, — «жертвуйте своей жизнью»! Сородичи его все же предпочитают оставаться проклятыми, но на тепленьких местечках, в удобствах и уюту. Над ними не каплет. Если Эренбургу советская агитация прижимает хвост и он вынужден, очевидно, не очень охотно признать свое изобретение племя итти на фронт, то американских жидов пока еще никто не давит. Эренбург не главный раввин и его проклятия в Нью-Йорке неограниченно удерживают носатых «патриотов» у кормила наживы.

За все время войны только лишь 18.000 евреев и 2000 евреек добровольно записались в британскую армию. Для многомиллионного израильского стада такое количество отборных овец больше, чем пшеница. Очевидно, в тыловых частях больше нет вакансий. Впрочем, для многих американских жидов завывания Эренбурга не прошли мимо ушей. Достаточно упомянуть некоего Пимперелла, который сразу же после «пропадения» воздуха в Сицилии, то-есть, оставления острова немцами, немедленно явился туда со штабом экспертов... по деревням. Лавочка бойкого купца раскинула свои шатры по всему острову. Кроме Пимперелла нашлось немало военных золотого мешка, осмелившихся проникнуть в такой глубокий тыл с целью самой махровой спекуляции и открытого грабежа итальянских ценностей.

Беспособность жидовских тыловых героев и их гениальная способность — явиться везде дезорганизовано — известны, безусловно, и англичанам и американцам. Если же «союзнички» устаивают Эренбурга взыскать к военной помощи перуальского воинства, то, видно, дело с кадрами обстоит у них плохо. Только не станет ли оно с помощью пудейского племенного еще хуже?

АКИМОВ

Из советского „рая“

Кто внимательнее изучал систему большевизмского террора, как бы страшно это ни казалось, того не поразит сообщения о злодеяниях большевиков, совершенных ими за один день в Чернигове. Бешеная уничтожительная ярость большевиков по отношению ко всему, что имеет хотя бы налет другого мировоззрения, превратилась во вторую натуру кровавых заправил Советского Союза. Они вообще не могут себе представить власти без массовых казней и поголовного истребления людей. При этом совершенно безразлично, повинны ли казнимые в чем-либо или нет. Убийства должны производиться ради системы, чтобы палачи могли доказать свою преданность кремлевским салатам. Так было в Катине и Виннице, так произошло теперь и в Чернигове. Ужасы, пережитые там, стали здесь известны, благодаря случаю. Помимо этого известно, что такие же страшные кровавые бани, как в Чернигове, происходили и в других местах Украины, так как большевизмские палачи, очевидно, преследовали цель наглядно показать несчастному русскому народу, что теперь снова начинается страшный режим жидовских человекоубийств. Человеческая жизнь для них цена не имеет. Жизнь сотен тысяч или миллионов людей для большевиков ничего. Но кровь замученных и убитых вызывает к отпущению.

Бог в русской поэзии

Лирика М. Ю. Лермонтова

Величайший русский поэт Лермонтов навсегда останется загадкой для человечества. Двойственны его жизнь, его личность, той же раздвоенностью проникнуто все его гениальное творчество.

Демон и ангел, рай и ад, ненависть и презрение к людям рядом с «снежной любовью к земле» (выражение Мережковского) — вот крайности и противоположности, ярко выявленные в лермонтовской лирике.

О сочетании этих крайностей в человеческой душе говорит сам поэт:

Я к состоянию этому привык,
Но ясно б его выразить не мог
Ни ангельский, ни демонский язык...
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

Порою Лермонтов слишком ненавидит людей и мир, а потому бросает в глаза людям железный стих, облитый горечью и злостью. «Падать мне не надо», — говорит один из его героев; другой признается: «Есть минуты, когда я понимаю вампира». Нет, кажется, ни одного порока, ни одной слабости, которые могли бы укрыться от сурового, пронзительного взгляда автора «Думы» и «Пророка»:

С тех пор, как Вечный Судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
— Страницы злобы и порока.

Как человек, великий поэт был мало кем любим. Неприятный для общества, заносчивый, придирчивый, язвительный, все беспокладно высмеивающий — он был в своей жизни очень одинок. «Лермонтов не имеет друзей», — записывает в свой дневник хорошо знавшая поэта А. О. Смирнова. Поэтому, после его кончины, «оплакивают только поэты».

Лермонтовский демон восклицает: «Все знать, все чувствовать, все видеть, стараться все возненавидеть и все на свете презирать». Точно так же и сам поэт следами ог-

нем какого-то беспокойства, в чем он признается:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит — отдохнуть.

«Лермонтов, единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся», — говорит Мережковский.

Значит он, казалось бы, бесконечно далек от христианских идеалов смирения, всепрощения и любви к ближнему. Его дух будто окончательно поддал под власть демонической гордыни, себялюбия и презрения к людям.

А между тем, поэзия Лермонтова всегда полна благороднейших идеалов, затрагивает животрепещущие вопросы нравственного порядка, часто овеяна глубоким религиозным чувством. «Хочу я с небом примириться, хочу любить, хочу молиться, хочу я верить добру», говорит поэт устами Демона. То же он повторяет в других стихотворениях: «Любить необходимость мне...» «В глубине душевных рап жила любовь...» «Есть понятие на небе иль в иной пустыне такое место, где любовь предстанет нам, как ангел нежный...»

Чем же объяснить такое противоречие в словах поэта, такую раздвоенность его натуры?

Только тем, что Лермонтов был одинаково чувствителен как ко всему прекрасному, возвышенному, благородному, так и к тому, что отталкивало своею пошлостью, козностью, лживостью и мелочностью. Отсюда — глубокое презрение поэта к людям, столь далеко отстоявшим от его идеалов. Но, наряду с этим, никто, как Лермонтов, не смог так постигнуть «святыню любви, добра и красоты». Поэт любил эту святыню «взвешивая страстно, всем упованием, всей властью бессмертной мысли и мечты» («Демон»).

«У Лермонтова была какая-то святиня, от которой не отречется бунтующий», — говорит Мережковский. А другой критик,

С. Андреевский, замечает: «Пессимизм Лермонтова — в затаянных идеалах. Это — пессимизм силы, гордости и божественного величия духа».

Все, что было близко лермонтовской святине, поэт воспевал в своих звучных, музыкальных, задумчивых и полных глубочайших мыслей стихах, в которых чувствуется присутствие божественного огня, ибо душа Лермонтова особенно близка была божественному началу.

«Лермонтов — человек гордый и в то же время огорченный своим божественным происхождением... Во всей поэзии он оставил глубокий след своей непреодолимой и для него совершенно ясной связи с вечно-поистью» (Андреевский). Это божественное происхождение своей души поэт, действительно, создал вполне отчетливо. О своем высоком призвании он говорит не раз: «Я — другой, еще неведомый избранник...», «Душа моя должна прожить в земной неволе недолго...».

Поэт всю свою земную жизнь тоскует по небесной родине. Его душа «в земной неволе» томится, полная «чуждых желаний»; эту душу ангел принес с небес «для мира печали и слез»:

И долго на свете томилась она,
Желаньем чуждом полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Каждый из нас уже с детства знает наизусть этот перл русской поэзии, стихотворение «Ангел», написанное шестнадцатилетним мальчиком и являющееся, по выражению Андреевского, «чуждой надписью у входа в царство фантазии Лермонтова».

Тоскуя по утраченной родной вечности, поэт завидует звездам:

Люди друг к другу зависть питают,
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

Тяготение к сверхчуждому миру, к миру ангелов, призраков, бесплотных видений, фантазий и мечтаний сочеталось в Лермонтове с глубоким знанием жизни, с огромной «вечной любовью и землей». В этой любви к миру признается гениальный че-

тырнадцатилетний мальчик стихами своей молитвы:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, мило,
За то, что ярак земли могильной
С ее страстями я люблю,
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя,
За то, что в заблужденный бродит
Мой ум далеко от Тебя...
...От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освободу,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.

Нельзя не удивляться силе чувства, глубине мысли и высокой технике стиха у поэта — ребенка с умом старца. Как могло четырнадцатилетнее дитя создать такие зрелые, почти совершенные строки? Это можно объяснить только присутствием в поэте каких-то высших, сверхъестественных сил, дарованных Богом своему избраннику.

Недаром один из образованнейших людей нашей эпохи Мережковский говорит: «Когда я сомневался, есть ли что-нибудь, кроме эстетической жизни, мне достаточно вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть».

То, что в Лермонтове странным образом уживались глубокой и серьезной человек с гусаром — кутилой и забиякой, Мережковский объясняет, как бегство поэта, от «фантастического», от тех таинственных сил, которыми он был наделен не в меру. Пошлость, в действительности, не затрагивала души поэта, и потому Лермонтов в гусарский период своей жизни освобождается от нее, лишь только захочет, и пишет такие прекрасные, дышащие глубоким религиозным чувством, стихотворения, как «Ветка Палестины»:

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была...
Поведай, набожной рукою
Кто в этот край тебя занес,
Грустна ли была твоя
Хранилища след горячих слез,
Иль Божьей рати лучший воин
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и Божеством.

Поэт со своей мятущей душой, беспокойной и тревожной, «с душой печальной, незнакомой счастью, но нежной, как дубовый», ищет в молитве освобождение от постоянного грызущих сомнений. Натура эгоистичная, постоянно думающая и говорящая только о себе, в порыве религиозного чувства готова ничего не просить для себя у Божьей Матери:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед божеством,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою моллю душу пустынную,
За душу странника, в свете безродного,
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.

У поэта есть любимая молитва, которая вселет мир в его беспокойную душу. С этой молитвой поэт забывает и «жизни человеческие сны», и «образы бездушные людей, приличьем стаявшие маски, и «укор невежд, укор людей»:

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наяву.
Есть сила благодатная
В созвучии слов живых
И дышит непонятная
Святая прелесть в них.
С душой как бремя скатится,
Сомненья далеко,
И верится, и плачется,
И так легко, легко.

Не только в стихотворениях на религиозные темы, но и во всей лирике Лермонтова отражены лучшие идеалы человечества. Пушкин, очевидно, предсказал в своем «Пророке» Лермонтова, который вопиет: «Жег сердца людей» в продолжении целого столетия. Поэзия Лермонтова была полнотельной силой для русского общества. Она, как говорит Нестор Котляревский, отвергла всякий самозабвительный покой духа, толкала людей вперед и учила строгому суду над самим собою. Потому Лермонтов — не только поэт, он, к тому же, пророк-учитель и проповедник, чьи творения будут жить еще века, чей стих будет «как Божий Дух носиться над толпой» и напоминать нам о Вечном и о Боге.

С. Любимый.

Гатчина

Верующие пожертвовали 120 тысяч рублей

Храм в Мариенбурге построен в царствование императора Александра III на дворцовые средства и был предназначен для обслуживания верующих, находящихся на службе царской охоты.

По размерам он не большой, но по своей архитектуре и внутренней отделке его следует отнести к разряду шедевров русского церковного зодчества.

В 1935 году храм был закрыт на том основании, что община верующих не могла уплатить предьявленного ей налога за «аренду» своего же храма. Священник, настоятель храма, был сослан большевиками в концентрационный лагерь, где находится и по сей день.

С приходом германских войск храм сразу же начал приводиться в порядок. До этого в нем был воинский склад. Очищенная и отремонтированная церковь украшается теперь новым иконостасом. Много икон пожертвовали сами верующие, а еще больше было изготовлено гатчинскими художниками.

— Много средств и труда вложили верующие в восстановление своего храма, вместе с настоятелем о. Василием, который своими руками строил иконостас и выполнял другие столярные работы, — говорит церковный староста Дмитриевский. Но зато наш храм стал действительно местом молитвы и покаяния. В праздники и воскресные дни особенно много молящихся. Подтверждением этого может служить то, что за 8 месяцев этого года собрано пожертвований среди молящихся около 120 тысяч рублей, — заявляет староста.

Порхов

Помощь беженцам

Попечительство о беженцах в Порховском районе почти целиком находится в руках школьных руководителей, которые сделали все для того, чтобы собрать необходимые средства и оказать вспомоществование всем нуждающимся. Сбор вещей для предьявляемой лотереи превзошел все ожидания — собрано до 1500 вещей, которые поступили в фонд лотереи. Местные крестьяне охотно приняли на себя заботу о семьях прибывших с прифронтовой полосы и огромное большинство беженцев теперь обеспечено не только кровом, но и пропитанием.

Дно

Забота о сиротах

Под энергичным руководством начальника Городского самоуправления города Дно, заботливо организованное попечение о детях, лишенных родителей. В хороших и просторных помещениях приюта сироты находятся под неустанным наблюдением воспитательницы и прекрасно питаются. Они выглядят чисто и огромное большинство детей совершенно здоровы. Приют вполне обеспечен продовольствием на зимний период, причем сами дети принимают участие в работе на огороде по сбору овощей.

Городское самоуправление за последний год особенно хорошо наладило свое хозяйство в части снабжения городского населения питанием. В городе имеются теперь три столовых, где население получает ежедневную горячую пищу и молоко. На зиму жители запаслись овощами, заквасили капусту, откармливают свиней и обеспечили кормом молочный скот. Таким образом, население города Дно не будет испытывать нужды в самом необходимом.

„Орангутанги с крашеными губками“

Марксистский диспут о половом вопросе

Арон Залкинд решил «осветить» марксистскими идеями половой вопрос. В качестве лектора он начал выступать в Ленинградских Домах Культуры. На этом поприще он стал без сомнения «историческим человеком», ибо ни одна из его лекций не обходилась без историй.

К великому нашему огорчению о лекциях Залкинда сохранились лишь легенды. Дабы увековечить «гений» этого реформатора половых проблем, постараемся воспроизвести одну из них.

— Товарищи! Я замечаю, что вы еще не отучились от скверной привычки украшать себя цветами. Даже среди вас, которые доказали свою сознательность уже тем, что пришли послушать меня, я вижу молодых людей, продолжающих носить цветы в петлицах пиджаков. Дамочки также не отстают: куда надо и куда не надо цветочки прикармливают.

А какие это цветы, товарищи? Отдасте вы себе отчет или нет? Розы, лилии, георгины... А знаете ли вы, что это классово чуждые цветы. Ни розы, ни лилии, не трудятся и никакой общественно-полезной работы не исполняют. Это капиталисты растительного мира. Карл Маркс, наш великий учитель, в письме к Вейдемеру сказал: «История всего предшествующего общества есть история борьбы классов». Я утверждаю, что в мире растений и животных, также происходит классовая борьба. И мы, люди, строящие коммунизм, должны беспощадно, как самых ненавистных нам врагов, стереть с лица земли и розы и лилии. Ликвидировать их, как враждебный класс, товарищи! Вы бы уж лучше украшали свои петлицы крапивой: из нее хоть что сварить можно. В самом деле, разве нельзя избрать для украшения — пролетарских по духу трав и цветов.

Во всяком фольклоре сочетаются вымысел и действительность.

Арон Залкинд утверждал, что его мысли искажены подобного рода легендами. Но люди, побывавшие на его лекциях, уверяют, что трудно отличить, где сказка, а где быль.

Как бы то ни было, плодотворная деятельность Залкинда была оценена по заслугам. Он становится публицистом советской печати. И вот здесь для изучения творческого пути этого выдающегося марксиста мы имеем уже значительно более достоверные фактические данные. Углубляясь в недра

взаимоотношений полов, Залкинд задается целью придать большевикский характер самым интимным разговорам, которые ведут между собой влюбленные. Только контрреволюционные элементы, только чуждые советской повседневноности люди могут произносить слова: «Я люблю вас», «Будьте мои», «Как красив сегодня закат», «Как хороши, как свежи были розы» и т. д. Молодые люди, если они не кулаки и не находятся под влиянием наших классовых врагов, имеют право разговаривать только о пятилетке, только о выпуске тракторов, только о победах Иосифа Сталина над троцкистской нечистью. Политика и история партии должны проникнуть в самые застенки, в самые интимные переживания и взаимоотношения влюбленных людей. Он приветствует поэта, который слагает марксистские стишки, ставя его выше Пушкина и Гете:

— «С нами ветры, разносчики гула, Разговаривая, мы идем, Ты толкуешь опять о прогуглах Молодежь в отделе моем.»

От деятельности публициста, просвещающего советскую молодежь, Арон Залкинд переходит к серьезной научной работе. Он пишет диссертацию «Половой вопрос», — на звание кандидата наук.

Надо было видеть, с каким достоинством, и с каким величием держал себя «гениальный» Залкинд, когда он на публичном обсуждении диссертации, перед многочисленной аудиторией, развивал свои идеи. Он превращался в пророка, изрекая громовым голосом самое сильное, самое марксистски обоснованное место своего труда:

«Половое влечение к существу враждебного и бесчестного класса, которое должно было бы вызывать у нас отвращение, есть такая же извращенность, как половое влечение к крокодилу и орангутангу.»

Патетические возгласы Залкинда были прерваны громом аплодисментов. Это благодарные слушатели выражали свой восторг. Залкинд ревниво поглядывал на аудиторию. Из оппонентов он опасался только одного: журналиста и историка французской революции Ипполита. Сей муж был, правда, на плохом счету у партийного начальства, как безнадежный оппортунист и невероятно дерзкий человек, который доходит даже до того, что, подчас, вступает в бой с идеями самого Маркса. Но, Ипполит, — остроумный

и знаковый с учением Маркса человек. Он не раз глумился над правоверным марксистом и превращал его в мишень остроумия и насмешек.

Залкинд нахмурился, когда увидел, что его противник зарывательно смеется, указывая двум рабфактовцам, повидавшим его, на элегантно одетых девушек, сидящих рядом.

— Что, ребята, в этот орангутанг с крашеными губками сдвинулись не дураки? Их вам кажется? А вон тот крокодил на высоких каблуках, тоже, как будто, ничего? А?..

Залкинд не выдержал и выгнано призывал легкомысленных балагуров к порядку. Началось обсуждение диссертации. Залкинд сдал. Представитель обкома ВКП(б) и Народного комиссариата просвещения дали восторженную оценку его докладу. Старые, запуганные врачи пробормотали что-то невнятное, но, в общем, не возражая против предоставления Залкинду звания кандидата наук.

Наконец, на кафедру поднялся Ипполит. Залкинд сперва победно, но потом сразу же пришел в себя, когда увидел, что его противник начал свое выступление теми же восторженными тоном, что и партийные саванники, открывшие обсуждение.

— Я считаю, что товарищи, начавшие обсуждение работы товарища Залкинда были не в меру скромны. Надо прямо сказать: труд нашего уважаемого марксиста имеет колоссальное значение; больше того, подобного рода работа наука не знала почти полтысячи лет. Товарищ Залкинд возродил знаменитый тип диссертации, который был незаслуженно забыт в конце средневековья.

В этих диссертациях средневековые школы спрашивали, можно ли в постные дни кушать яйцо, в котором уже находится птичий зародыш. Можно ли считать настоящим христианином человека, который скушал яйцо с эмбрионами птиц? Мне кажется, что марксистские идеи, развиваемые товарищем Залкиндом имеют такое же отношение к половому вопросу, как куриные зародыши средневековых риториков к догмам христианства.

Гомерический хохот помешал Ипполиту закончить свои возражения. Залкинд победно.

— Товарищ, ваши замечания слишком далеки от жизни и отдаленны, говорите по существу, — прервал Ипполита представитель обкома.

— Ваши слова для меня равносильны приказу, — ответил Ипполит, но разрешите только задать уважаемому докладчику два вопроса: во-первых — я хотел бы знать, что думает товарищ Залкинд о Карле Марксе, который всю свою жизнь прожил с женщиной из другого класса, а именно с герцогиней Жени фон-Вестфален. Иначе говоря, с крокодилом, к которому он проявил глубочайшую привязанность?

Во-вторых, мне известно, что мать Залкинда — дочь хозяина мыловаренного завода — большого спекулянта и жулика. Не выходит ли, что нашего уважаемого диссертанта произвел на свет орангутанг из «враждебного и бесчестного класса»? С трудом сдерживаемый смех прокатился по аудитории.

Эти вопросы даже полуграмотным людям показали, что наглое словоблудие Залкинда ничего общего с наукой не имеет и его кандидатская диссертация позорно провалилась.

Каковы же дальнейшие судьбы участников этого удивительного диспута.

Ипполит был объявлен врагом народа, и его не то расстреляли, не то сгноили в концентрационных лагерях.

Арон Залкинд продолжает здравствовать и с успехом преподавать историю партии в советских аузах.

Предлагаемая статья не фельетон. Это фотография большевикской действительности. Вас. Клыков.

О юных талантах

Как молодая поросль, как бьющий из земли родник, то тут, то там проявляют себя молодые таланты.

В нашу редакцию входит девушка. Она одета очень скромно. У нее открытое лицо, смелый взгляд лучистых серых глаз. Из-под темного бубличка падает на плечи две коротких темных косы. На вид ей нельзя дать больше шестнадцати, но ей уже восемнадцать лет.

Юная художница Галина Г. прочла в газете объявление о выставке молодых художников и приехала за 90 км., привезя с собой несколько картин, исполненных масляными красками. Галина Г. живет в деревне.

— Спасались мы в 1941 году от бомбардировки в лесу под Лугой, — рассказывает девушка. — Когда все стихло, хотели вернуться домой, да от беженцев из города узнали, что наш дом большевики сожгли. Ну, что-же, погоревали, да и двинулись на новые места. Обосновались в одной деревне. Папа у меня архитектор, мама учительница, а ей зимой помогала, а все свободное время рисованием занималась. Я самоучка. Рисую, главным образом, портреты.

Сядешь летом на заливке, соберешь ребят и рисуешь их, а бабы-то подходят, да только ахают: «Настюшка-то наша, как похожа!» — Да я и взрослых рисовала, вот: и юная художница показывает весьма живо исполненный портрет старика и головушку девочки.

— Где же вы краски-то доставали? — А красок еще с прежних времен запас осталась; масло в деревне доставала, а

кисточку из собственных волос делаю, — и встрижая темной головкой, она смеется. В редакции все заинтересованы судьбой девушки. Оказывается, оставшаяся она у знакомых в Люботове и три километра шагала с картинками подмышкой, но в лице ее не заметно ни усталости, ни нетерпения.

— Ну, как же вы жили в деревне, скучно, наверно?

В серых глазах художницы загорается шаловливый огонек.

— Зачем же скучать. Иногда сходишь на гулянку, ведь хочется повеселиться, да беда только, что там три парня на всю деревню, — смеется девушка, а лукавые огоньки так и бешут в глазах.

Картинки талантливой художницы самоучки приняты на выставку. О ней поговаривают и в дальнейшей. Германское командование выдало ей разрешение проезда на выставку во Псков, туда и обратно.

Нельзя не вспомнить о той «помощи», которую «оказывало» талантливой молодежи советское правительство, всегда громко рекламировавшее «сталинскую заботу» о талантах. Художники Ленинградской Академии Художеств жили в такой нищете и столь нуждались во всем необходимом, что не всем под силу были эти тяжелые условия учебы и многие оставили свое образование незаконченным. В них, привилегированных условиях проживала еврейская молодежь. Для еврейских юнцов в Советском Союзе всегда находились и средства и преподаватели. Оттого и выходило, что в СССР во всех областях науки и искусства преобладали еврейство, и лишь небольшая часть талантливой русской молодежи кое-как достигала успехов.

В. Гарцева.

История мыловаренного производства

Искусство варить мыло было известно очень давно. В Риме еще до Рождества Христова приготавливали два сорта мыла: из сала с золой и из оливового масла и золы. В Алжире арабы привозили на базары вещество, имевшее аптечное и домашнее употребление. Вещество это, в виде студня, употреблялось для мытья и промывки шерсти.

Существует легенда, по которой мыло якобы было изобретено в городе «Савона», около Генуи (Италия), где жена одного моряка, случайно разогреть растворы соды в сосуде, в котором находились остатки оливового масла, получила мыло. Во втором столетии после Рождества Христова упоминается о мыле, как об очистительном средстве, и знаменитый врач того времени Гален рекомендует мыло не только для мытья, но и как лекарственное средство от многих болезней.

Усовершенствованию мыловарения много содействовали арабы, имевшие большую склонность к изучению химии. В XIII столетии они при варке мыла стали прибавлять к раствору известь, отчего мыло получило более твердый вид.

Во время своего владычества в Испании мавры (арабы) варили мыло из оливового масла. Главным местом производства мыла

в IX веке был город Марсель (марсельское мыло).

Мыло было важным предметом торговли, но особенно развитие мыловарения получило во время крестовых походов.

В XV веке в Испании имелись уже обширные мыловаренные заводы, а в следующем веке хорошие мыло уже делали в Италии, в особенности в Венеции и Савоне.

В XVIII столетии мыловарение начинает распространяться и в других странах. В Англии в 1822 году образовалась компания мыловаров, которая получила монополию. Во Франции также введена была монополия на мыловаренное производство, продолжавшаяся, однако, недолго.

Полный переворот в этом деле произошел только в минувшем столетии, после открытия Лабланом способа приготвления искусственной соды и когда Шеврель произвел исследование состава и свойств жиров, выяснив процесс омыливания. Что касается употребления в мыловаренном деле масел и жиров из тропических растений, то главная заслуга в этом отношении принадлежит немецким мыловарам, которые впервые стали употреблять для этой цели кокосовое и пальмовое масла.

К этим маслам впоследствии присоединилось еще много других растительных масел. С. Князев.

Предварительное следствие НКВД

Судьба инженера Бауера — строителя Соликамских калийных шахт

3. На допросе

(Продолжение)

— Да, я этих инженеров знаю, но у меня с ними ничего общего не было. Я работал по капитальным работам шахт, а они на эксплуатации.

— Так, хорошо, — заговорила следователь. Теперь вы, возможно, подпишите данные следствия, о том, что вы вместе с этими господами давали шпионские сведения нашим врагам.

— Нет, никогда, никакой клеветы не подлишу, — дрожа всем телом, ответил, вскопчивший с места инженер.

— Садись!... — заорал Рохманов, — надо будет — подпишешь. — Он встал и нервно зашагал. В это время вошел в комнату свежий выбритый, надушенный, с красными от ночной плянки глазами, чекист. Он был еще под хмельком.

— Здорово Рохманов, — приветствовал вошедший. — Ну, как? метула глазами он на допрашиваемого. Рохманов поджал руку, поздоровавшись.

— Разве уже восемь? Если так, то продолжай ты. Пока ничего. Я пошел. Вошедший был следователь Федорчук. Он пришел на смену Рохманову продолжать гнусное дело советского следствия. Когда Рохманов вышел, инженер Бауер понял, что допрос его будет продолжаться еще восемь, а может быть 16 и еще более часов.

— Разрешите мне выйти, — обратился он к следователю.

— Почему-ж, пожалуйста. — Следователь вызвал сотрудника НКВД.

— Отведите в уборную и сейчас же назад, — сказал он вошедшему. Инженер тяжело поднялся и в сопровождении чекиста вышел. Федорчук сел в кресло, закурил папиросу и стал переписывать дело.

— Да, здесь действительно ничего нет. Рохманов провозился целую ночь и не получил ни одной подписи. Видно, управяя скотина, но ничего, не мытьем, так катаньем, — рассуждал Федорчук. В дверь постучали. Вошел Бауер и сопроводивший.

— Можете идти, — сказал Федорчук. Чекист вышел. — Садитесь, — обратился он к инженеру. Началась вторая смена допроса.

са. Эта смена, в системе круглосуточных допросов, доводящая заключенных до полного физического изнеможения и потери воли человеком, следователю Федорчку не принесла ничего положительного. За восемь часов Федорчук не раз терял самообладание, переходя от увещаний к угрозам и побоям. К концу смены он также, как и Рохманов, был разъярен, и тигром метался по комнате. Допрашиваемый, в результате шестнадцати часового морального и физического истязания, сидел неподвижно на своем месте, проверяя наличие сил, в расчете на продолжение допроса и новые пытки. В четыре часа дня в комнату вошел следователь Гилев. Поздоровавшись, оба чекиста миимкой, объяснились о существе дела.

— Да, так я пойду, — затормозился Федорчук. — Ну, пока... Федорчук вышел. Оставшись наедине с подследственным, Гилев не спешил приступить к делу. Он ходил по комнате о чем-то размышляя. Это был человек большого роста. Его широкие плечи плотно облегалась суконая гимнастерка. На груди красовались два ордена. Руки, на много длиннее нормальных, он держал в карманах галфея, причем с туловищем они образовывали два больших треугольника. На широких плечах, но на тонкой шее, сидела малых размеров, сверху приплюснутая голова. Под узким збмом, сверкая испривитым огнем, маленькие, все время бегающие, глаза. Длинный нос свисал над тонкими прямыми губами. Он почти все время потиравал головой, склоняя ее на правый бок, кривя при этом губы и прищуривая правый глаз. Во время дерганья головой, он прерывал речь, точно зайка. Пропаганга по комнате примерно с пол часа. Гилев сел за стол и сверлящим взглядом принялся рассматривать инженера.

— Будем знакомы, гражданин Бауер, — неожиданно прервал тишину Гилев, — надеюсь вы уже видите, что ваие упорство не приносит вам ничего хорошего и... — он тряс головой, прервав себя на полуслове, — и может повлечь еще худшее. Говоря откровенно, ваши подписи не будут служить причиной каких либо скверных последствий, вы будете освобождены и вернетесь на родину. — Долго и много еще говорил Гилев,

уговаривая Бауера согласиться на подписание лжи. Его голос в ушах инженера отдавался далеким эхом. Бауер почти не слышал, что говорил этот, с отвратительно дергающимся лицом, чекист. 36 часов без сна, 20 часов без пищи, боль в голове и в ухе, все это давало сильно себя чувствовать. В голове стоял шум, в ушах раздавался пшлящий, разноголосый перестук. Но рту образовался неприятный сухой налет. Веки налились свином. Глаза неприятно резаю. По всему телу разливалась сильная физическая усталость, смешанная с острой болью избитых мест, но несмотря на такое состояние, в душе он был очень спокоен. Физическое изнеможение привело к равновесию, возникшее до этого, нервы. Ко всему он стал безразличным, наступила апатия; только одна мысль стучала в мозгу: «Пронеси свою честь». Гилев переставая задавать вопросы. Инженер Бауер сидел молча, опустив тяжелые веки. Считая состояние допрашиваемого неизменным, Гилев начал действовать с откровенной наглостью.

— Ну, довольно дремать, наге-ка ручку, подписывайте. Не следует разыгрывать невинного, — и он положил перед инженером протокол допроса. Инженер приткнув веки, молча отодвинул дело в сторону и тихо, но уверенно произнес:

— Все ваши старания напрасны. Честный человек не может быть преступником. — Это уверенное заявление заключенного вывело из терпения палача. Сильно тряс головой и полергивая плечами, чекист заорал:

— Я тебе покажу — ч... ч... ч... честность. Ты... ты... у меня подремешь. — Он подбежал к шкафу, вделанному в стене, с шумом открыл дверцы и извлек совершенно разломанный, с тремя ножками венский стул. Вместе с ним захватил резиновую палку и подбежал к сидиному инженеру:

— А ну, встань, скотина! Садись на этот. Он ногой оттолкнул хороший стул в сторону и подставил это подобие стула. Теперь не задремлешь, сволочь. — Действительно на этом стуле пыток, но только дремать, но и сидеть без напряжения тела, было невозможно.

— А теперь, подписывай, — он схватил руку инженера и воткнул ручку между пальцев, — подписывай... — с угрозы произнес Гилев. Наступила томительная пауза. Гилев стоял с правой стороны сидящего, держа в руке палку. Голова его непрерывно тряслась. Звуча излаваемые носом и шлепанье губ, нарушали тишину.

— Нет, ... не подпишу, — произнес Бауер.

— Не подпишешь? ... — взревел Гилев и резиновая палка изгибась просветила в воздухе. Инженер вздрогнул, втянул голову в плечи, закрыв лицо руками и безвольно застыл на стуле. С животной яростью, как кроважидный зверь, Гилев, дрожа всем телом и тряся головой принялся, неистово наносить удары.

— П... П... подпишешь? — отдуваясь произнес Гилев, остановившись в ожидательной позе. Несчастный стоически переносил мучения. Его ноги заметно дрожали и туловище вздрагивало. Из рассеянных рук и ушей на пол капала кровь. Он долго ничего не отвечал. Затем, откинув немного голову назад, и смело смотря в бегающие, налившиеся безумием глаза палача, тихо сказал: — Нет. — Чекист в ярости подпрыгнул на месте и, в испугливости, вторично обрушился на жертву. Захлебываясь, брызжа слюной, и нанося новые удары, он приговаривал:

— Ну, ну, вставай, вставай... Палач взял инженера за руки и потянул вверх. Превозмогая себя, узник встал. Блаждующим взглядом обвел комнату и, вспоминая все происшедшее, зашептал к стулу. Силы оставались его. Он сел на треногий стул и при этом опять чуть не упал на пол. Гилев не успокаивался, он спешил действовать. Обыкновенно, чаще всего, люди, доведенные до такого состояния, против своей воли, подписывали себе смертные приговоры. Посмотрев на сидиного перед ним на стуле сармателю спеша заговорил:

— Подпишешь, для тебя это не имеет значения, а нам нужно... И для чего разводить лишнюю канитель, — и тебе плохо и нам неприятно. Инженер Бауер сидел

молча, инстинктивно закрывая глаза и отрицательно вертя головой.

— Говори, подпишешь? ... Будешь подписывать? — в голосе Гилева, зазвучали нетерпеливые ноты, предвещающие новую пытку. Инженер, оставаясь в том же положении, почти шепотом произнес:

— Н... Нет.

— Ага, так та... ты вот, что, — опять закинул палач, ну, посмотрим. — Он нажал на кнопку. Явился сотрудник.

— Взять... пр... пропустить... через следуюю простыню. Даст согласие немедленно сюда... — пропел Гилев.

— Пойдите, — сказал сотрудник, обращая к инженеру. Последний с большим трудом, встал со стула и пошатываясь пошел к двери. Пройти «ледяную простыню» — это означало проследить в камере с наружной температурой воздуха раздетым до гола и обернутым простыней, намоченной в холодной воде. Простыня быстро покрывалась льдом, сковывая все тело заключенного. Такой пытке в конце суточного допроса, был подвергнут несчастный узник. В два часа ночи, Бауера подвели к его камере номер семь. «Попка» с шумом шелкала замком и открыл дверь. Как и всегда в таких случаях, почти все заключенные, моментально очнувшись от сна, устремились свои взоры к двери. В открытой двери у стола, стоял непохожий на себя инженер Бауер, безуспешно пытавшийся забраться на стол. Один из спавших на столе, соскочил и быстро полсалин искаленного. Двое других, взяв за руки, втянули его на стол. В камере было тихо. Все понимали состояние вернувшегося с допроса. Многие все это уже испытали, а другим предстояло еще предстать перед испытаниями. Отто, выходя из под койки, хлопотал около товарища. Он еще в ожидании друга достал у людей, получающих передачи, немного колбасы и сыра и сейчас все это предлагал скушать. Бауер в начале отказывался, но потом начал есть. Один из заключенных, спавших на койке предложил свое место, но пострадавший, подумав: «Переносить страдания на глазах людей, тягее», с благодарностью ответил:

— Спасибо, уж я полез в свою конуру. Там, пожалуй, лучше будет. Отто полез под койку, и приготовил другу постель. За ним, с болью во всем теле, медленно полз инженер Бауер.

Э. Карлов.

(Продолжение следует)

„НЕМЕЦКИЙ МУЗЕЙ“ В МЮНХЕНЕ

Русские журналисты в технической сокровищнице Германии. — Техника на службе у народа

Помещая в газете «За Родину» ряд своих впечатлений о современной Германии, я выбираю для читателей наиболее яркие картины быта, истории и хозяйственной жизни страны, вышедшей на дорогу больших социальных реформ. Я особенно подчеркиваю те особенности, которые, как образцы, могут принести пользу в построении новой жизни на нашей освобожденной Родине в грядущий мирный период.

Автор.

Мы все очень много слышали о развитии техники в Германии. По личным наблюдениям можно сказать, что слово «развитие» мало для определения технического прогресса в этой стране. Это одновременно не означает, что в Германии видны какие-то фантастические достижения, чудеса техники, бессмысленные работы. Как раз наоборот — немецкая техника отличается от техники других государств исключительной рационализацией, практичностью, продуманностью, отсутствием лишнего рекламного бахвальства. Вместе с тем, она применяется во всех отраслях жизни, проникает в детскую игрушку, в виде бесконечных мелочей из небытия и неломяющейся массы, интересных механических игрушек, жизненных удобств. Проникает во все детали домашнего хозяйства, тысячами мелких, но исключительно удобных усовершенствований, где лишней, продуманно убавленный миллиметр, играет большую роль. Техника царит в промышленности, доводя мысль изобретателя до последней шлифовки.

Отсюда германские рекорды в производстве, непревзойденность качества оружия, практически примененное снаряжение и обмундирование солдата. Техника же сокращает и облегчает работу домашней хозяйки, разнообразит досуг, отдыхающему труженику. Примененная в искусстве техника ласкает зрение и слух публики. Словом — лозунгом Германии является «техника на службе у человека», а не большевикское стухановское закрепощение человека машиной. У немцев — стухановец машина, а человек только ее мозг. Чем же объяснить такое распространение техники в народных массах? А что это действительно так, доказывает ее всепроникновенность, недоступная

мозгу небольшой группы людей. Это — дело народное, а таким оно стало путем тщательной и кропотливой работы специалистов для масс, работы, проникнутой исключительной любовью к своему делу, желанием доставить своему народу лучшие удобства в жизни.

Естественно, что знакомство с техникой, для ее популяризации, должно проводиться с детских лет. Германские школы в этом отношении являются завидным примером. Экскурсия русских журналистов по собственному выбору и инициативе, зайдя в Эрфурте, в германскую классическую гимназию, специальностью которой являлось изучение древних языков, нашла там прекрасно оборудованные физические, химические и естественные кабинеты. Можно представить, что имеется в школах специально технических!

Наибольшей сокровищницей в деле распространения техники в народных массах является все же Немецкий Музей в Мюнхене. Это единственный в мире музей по продуманности оформления, подбору экспонатов, и умелому подходу к культурному уровню любого посетителя. Последнее обстоятельство и является его блестящей особенностью. Музей не засорен диаграммами и мелкими деталями, а показывает развитие техники на оригиналах целиком.

В первой комнате по рельефной карте посетители знакомятся со строением земной коры и периодами развития жизни на земле в картинах. После этого они проходят под землю так глубоко, как достигала этого человеческая нога и видят своими глазами всю работу подземных тружеников — углекопов и рудокопов.

Читатель скажет: «Бросьте врать, где же под Мюнхеном все это имеется?». А все же это так. В небольшом подземельи руками самих мастеров дела выстроены отрезки шахт и штолен. Проходя мимо, невольно забываешь, что находишься всего лишь в музее. Человеческие фигуры, сделанные в настоящий рост, занятые работой, в эффектной освещении, вполне оживляют картину. Не надо даже и знать по книгам, чтобы получить полное представление о работе. При этом показаны все мелочи разви-

тия техники производства, начиная с примитивной ручной разработки и кончая новейшим бурением и работой отбивным молотом.

Все недра земли раскрываются перед посетителем. Копи соляные, золотоносные, молибденовые, угольные. Ни капли теории — но только практика. По выходе «на поверхность» представлены уже в миниатюре и разрезах наземные детали. Обслуживающий персонал, да и сами посетители, демонстрируют работу машин. Понятно и ребенку и взрослому, а вместе с тем поднесено в увлекательной форме наглядной практики. Идея блестящая и заслуживающая глубокого уважения.

Безусловно, подземным царством музей не ограничился. В нем собрано все и по всем отраслям техники. Для знакомства с материалом нужны недели и месяцы. Длина ходов по музею равна 18 км.

Отдела средств сообщения. Примитивные телеги, лыжи, деревянный самоход-велосипед, раззолоченная королевская карета и т. д. — до новейшей современной автомашины, игрушки, идущей «20 с литра» и прочее. А дальше новейший локомотив — электродвигатель. Все в натуральную величину с «оперированными внутренностями». Самолеты с первых моделей до Юнкерса наших дней. Пловучие средства из выдолбленной колоды до океанского гиганта...

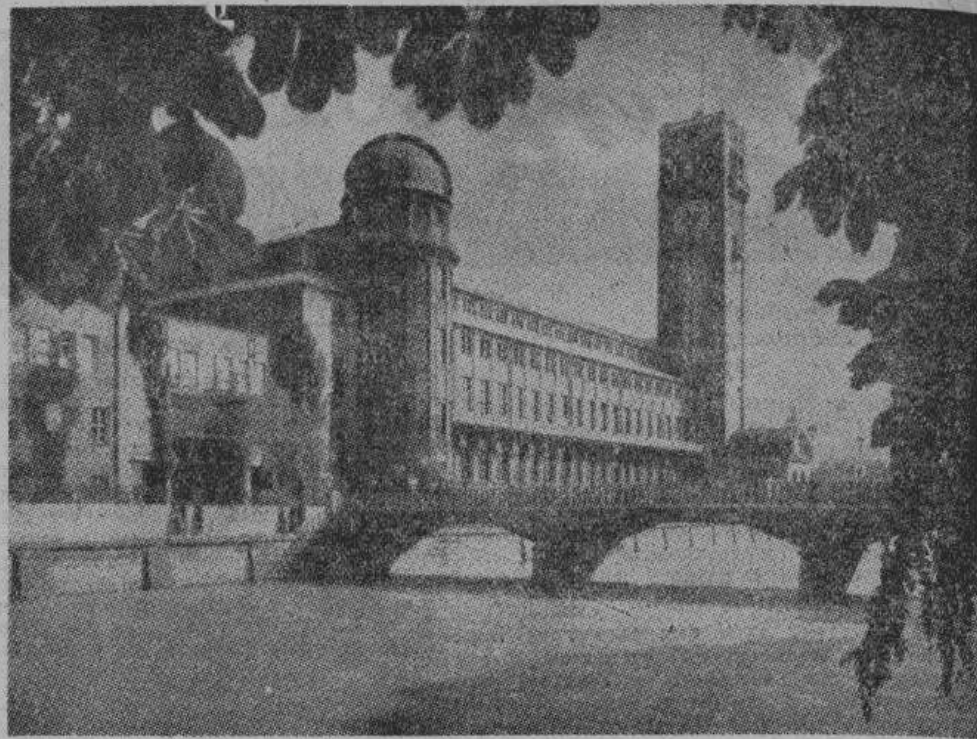
Стоп, скажут читатели. Может быть и «Бремен» в натуральную величину под крышу подведен? Что-то неправдоподобно звучит. Нет, конечно, не «Бремен», но его модель, как и много других моделей. Но по принципу подземных шахт показаны все отделения океанского гиганта, показаны небольшими уголками, но в настоящих размерах. С каюты каравеллы Колумба до роскошной новейшей. Машинное отделение, капитанская рубка в натуре. Гуляешь — и начинаешь даже слегка мутить, как будто и в самом деле испытываешь морскую болезнь.

Лично у меня, на этом, приблизительно, втором километре пути, уже действительно, начала кружиться голова, но только от впечатлений. Их слишком много. Сюда ходят люди — специалисты, школьники, экскурсанты. Обойти весь музей сразу нет сил. Каждый осматривает интересующую его отрасль. К услугам специалистов — испытательные кабинеты, лаборатории, обсерватория. Я тешно перебирал в уме все, что относится к технике — и все это здесь имелось.

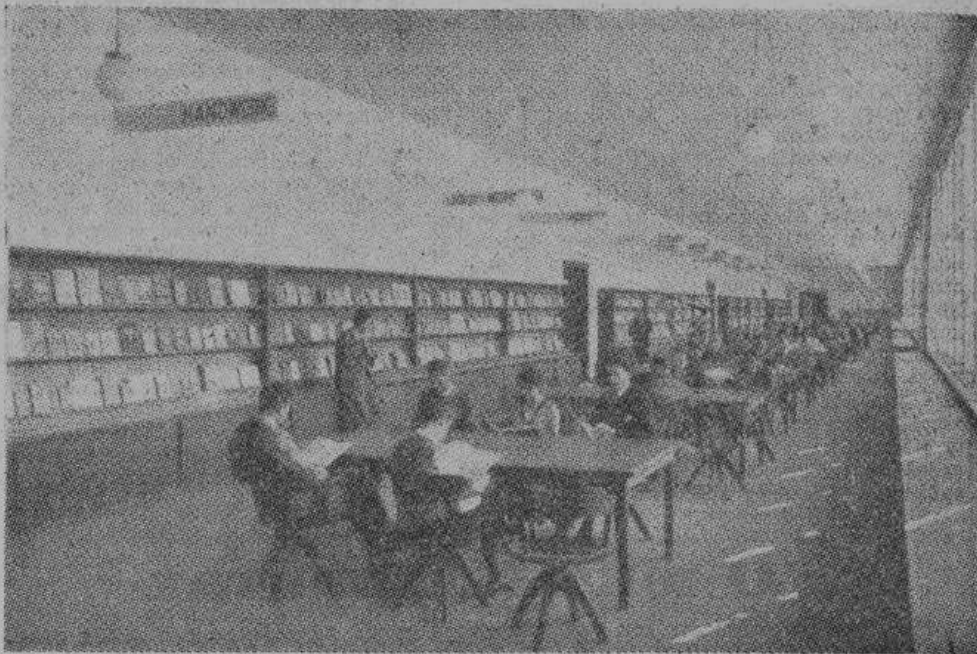
Музей называется «Немецким». Но он немецкий только по названию нации, породившей идею его создания, трудившейся по сбору материала и оформлению его. В смысле же значения он мировой. Он — заслуженная гордость немецкой нации. Особенно внимания заслуживает то, что все страны мира помогали пополнению его экспонатами, также и дореволюционная Россия. Единственным исключением явилась советская «страна техники и прогресса».

Основателем музея был умерший 9-го апреля 1934 года Оскар фон Мюллер, золотыми буквами вписавший свое имя в историю человечества. В своем настоящем помещении музей находится с 7-го мая 1932 года. Библиотека его насчитывает свыше 200.000 книг. Чтобы пройти его без остановки, нужно потратить, самое малое, четыре часа. Задерживаясь в каждом зале (их всего 300) по полчаса, понадобилось бы для осмотра 30 дней! Безусловно, такие данные никогда не создадут настоящего понятия, которое получается от личного ознакомления. Оно удивительно. В моей голове после выхода из музея мелькнула естественная мысль: «Сюда будет приезжать наша русская молодежь, когда Россия станет свободной от большевиков. И ей будет чему поучиться».

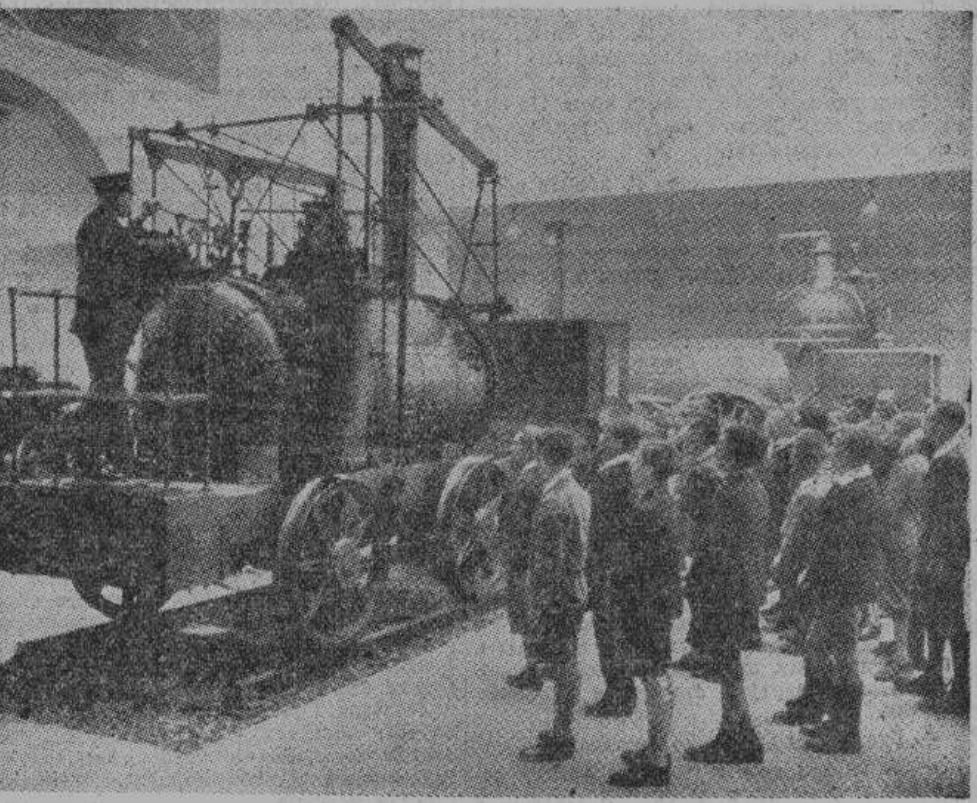
С. П. Павлов.

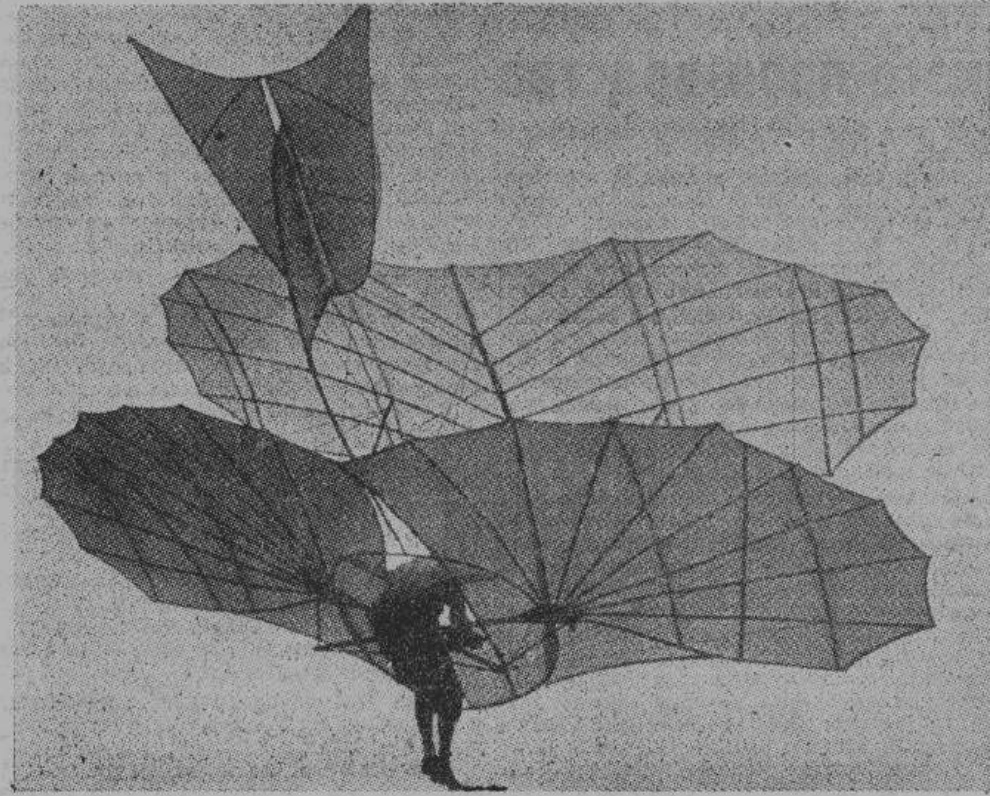
Новейшее здание музея

Часть библиотеки читальни. В музее имеется свыше 200.000 томов научных книг

Точная копия первого локомотива, построенного в 1813 году.

Билан-планер Лиаленталя, постройки 1895 года

НИКОЛАЙ КОМЫСОВ Земля в окопах

(Продолжение 21-ое)

— Глянь-ко, глянь-ко, Семен, чего отец-то затеял! — Закричала мать, увидев в окошке старика.

Бросив взгляд через окно на отца, Семен выскочил на крыльцо. Старик сошел уже во двор и двинулся в ярости на милиционеров. Одним прыжком Семен оказался подле отца и ухватился за кол, когда тот был готов обрушиться на головы прижатых к каютике. В это же мгновение раздался выстрел. Иван Толпыгин широко открыл глаза, оглядел народ, потом медленно опустился на правое колено и упал на землю, как обломанный сухой сук.

Толпа ахнула и попятилась от дома назад, потом незаметно рассеялась, будто и не было никого возле.

Склонившись над отцом, Семен смотрел в его лицо, пытаясь увидеть признаки жизни. Отец был мертв.

К вечеру на второй день закончились события в Сычевке разбившие окончательно всякие надежды и доказавшие беспомощность сопротивления.

За последние дни село уменьшилось на тридцать четыре двора. Судьба была немолдой. Оставалось только одно — вступать в колхоз, чтобы избежать печальной участи «раскулаченных». На очередном собрании никто больше не прерывал речь Стайкина и не бросил язвительных реплик. Собрание молчаливо выслушивало угрозы и сладкие обещания «счастливой жизни», оставаясь ко всему безучастным. Предложение о вступлении Сычевки всем селом в колхоз не встретило возражений...

Бурьянов Петр возвращался с собрания. Черная, непожилимо жуткая бездна открылась перед ним. О случившемся думал Бурьянов, не отдавая себе отчета, где он и

что с ним происходит. Тяжелым молотом стучало в висках, кружилась голова.

На небе ярко горели звезды. Их далекие мерцающие огоньки плясали в хороводе, увлекая в черную даль мысли.

Бурьянов начал вспоминать пережитое. Вот уже почти десяток лет живет он своим хозяйством без богатства, но и без особой нужды. В мыслях перед ним вставали прошлые годы, добрые и тяжелые. Раньше не задумывался над этим Бурьянов. Пережил безропотно все невзгоды. Но теперь, когда он понял, что на его долю выпала только тяжелый труд и скитания, что надежды и усилие устроить жизнь по хорошему, пропадают навсегда, возненавидел жизнь и всех тех, кто делал его несчастным. Спать не торопился. Зашел к скотине, подбросил сена. Завтра ее нужно гнать на общие дворы. Заемил сердце болью. Он подошел к Совраске, похлопал ладонью по мягкому крупу и вспомнил, с каким мучением шесть лет тому назад ждал он его от ослепшей и слабосильной Свиухи, как потом ходил за ним и выкормил доброго помощника и кормильца. Нужды не мало натерпелся Бурьянов с одной кобылой.

Потом перешел к коровам, потом к овцам, подбросил корму... Вдруг почувствовал, как к горлу подкатился комок и зарезало слезой глаза. Он заплакал, как плачет редко, или может быть, один раз в жизни.

Всю ночь не спал он, курил трубку. К утру забылся в дремоте. Утром встал, голову ломит. Завтракать не захотел.

— Скотину погоним? — спросила жена и заплакала.

— Сейчас погони, буде реветь-то, не растрывай сердце — сердито сказал Бурьянов. — Уж больно мне коров жалко, да ягнят. Они маховские, догляд им нужен, по-

мерзнут сердешные, — вытирая глаза сказала Агвфья пристально глядясь в изменившееся лицо мужа.

— Что-б без виагу, по доброму прощу, все одно не поможет...

Бурьянов выпустил трех коров и телка, погнав к двору Бондаря. Там уже толпились коровы, лошади, телята, овцы пригнанные с других дворов. От сердца отлегло. Увидел Веприка.

— Ну, как, Андрей, пригнал?

— Пригнал — ответил тот и закричал мужикам: — Тожно, коней и овец во двор Сучко Сидора загонять! Тамо-ка для них место будет! — Сам пошел во двор.

Поднялась возня и суматоха. Чай-то шальной мерин ударил жеребую матку Порфирия Зоуля. Не успел тот ее во двор завести, как она скинула жеребенка. Овцы шаркались из стороны в сторону по улице, потом начали кучками разбегаться по двору.

Загадали мужики и бабы, началось ругань.

— Куды прешь, что-б ты разорвало, гулярь бестыжий! — ругала Парамониха соседнего со своими лошадьми соседа Стручка Ивана — поди в петлю-то успеешь, ирод окаянный!

Целый день суетились, сгоняя скотину во дворы Бондаря и Сучки мужики и бабы. Места не хватало, прихватили еще двор Толпыгина.

Когда вернулись по домам, заела тоска, опустели дворы, опустели руки, делать стало нечего.

Втихомолку выли бабы, им помогли ребятишки, кое-кого из мужиков тоже прощипала слеза.

Была тихая морозная ночь. Среди пустынного неба одиноко светила луна. Где-то вдали сверкали звезды. На снежную широкую улицу от домов ложились длинные тени.

Со двора, в желтой овчинной шубе до колен, подпоясанный военным ремнем, с узелком под мышкой вышел Бурьянов Петр. Некоторое время он постоял на улице в глубоком раздумьи, и потом пошел вдоль улицы. Одиноко и тоскливо под ногами скрипел снег.

У паскотины он тяжело вздохнул, повернулся в сторону села, где оставил жену и детей, махнул рукой и быстро зашагал навстречу новым испытаниям беспокройной городской жизни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наступил февраль. Стояли сильные морозы. На скотных дворах колхоза «Красный партизан» продолжался падеж скота. После того, как в одну ночь померзли все ягнята и шесть телок, в правлении колхоза началось большое беспокойство. Ежедневные заседания не разрешили однако вопроса. Каждую ночь продолжался падеж лошадей и коров. Кормить скот было нечем. Уход за скотиной отсутствовал. Единственным кормом оставалась ячменная солома. Положение становилось серьезным. Правление колхоза собралось на очередное заседание.

— На повестке дня один вопрос, — сказала председатель колхоза, он же председатель совета, Андрей Веприк, — о падеже скота и о кормах. Кто еще может добавить?

Все молчали.

— Ну, тожно я сам скажу. Ягнята и телята у нас померзли, семь коров и восемь лошадей пали. Пахать и сеять все одно заставят. Что-ж на себе что ли плуги тягать будем? Корма надать со двора свозить.

— Наряжай, Андрей, коней и мужиков — пробасил завхоз Заикин. — У кого сено во дворах, все пособорать треба.

— Правильно, надо соборать, — поддержал конюх Порфирий Зоуля, — ехидно подмигивая глазом Охаткину.

— А ты свое вывези тожно и у других забирай, — возразил член правления Охаткин Иван.

Веприк внес предложение всему правлению колхоза и конюхам свезти свое сено на скотные дворы. Все согласилось после некоторого препирательства.

— Покедова уподобоченный наш в отъезде, давайте маленечко порядок наведем, — продолжал Веприк. — Известное дело, узнают в районе, по голонке не поглядят, а то еще и тягать начнут... Сно хся и у каждого дуча ме ся, а все одно деваться некуда и жалиться тоже.

— Правильно, правильно, — загадали члены правления.

После заседания пошли все на конюшни запрягать еле державшихся на ногах лошадей. Восемь подвод медленно развезались в разные концы села.

Веприк ехал молча и задумавшись глядел на исхудалый зад Бурьянова Гнедка и вдруг ни с того и сего начал Гнедка стегать вожами. Гнедко оглянувшись посмотрел на Веприка своим черным глазом, пошевелил ушами и прибавил рыси.

Непонятное волнение вдруг охватило Веприка. Ему захотелось сделать для всех что-то, важное и хорошее, облегчить их душевные муки. Но что и как, не знал Веприк.

Возвратясь с нагруженным возом сена, он зашел на конюшню. Взгляд его упал на шкуру Буланки, развешенную под крышей сарая рядом с другими шкурами околешных лошадей. Он сильно потер ладонью лоб, как бы желая выжать из него мысль, но ничего не сказал, и отвернулся. Постояв несколько мгновений в раздумьи, ударил носком валенка по куче замерзшего лошадиного навоза, оказавшегося под ногами, и быстро свалил в угол сено, медленно поехал за вторым возом...

Когда вошла Аксинья, у печи гремя ухватами возилась Настасья. Как всегда утром, в доме было все разбросано, на полу валялась жгутами примятая солома, куча посуды лежала на столе, побрякивая ею, дочь Настасья, четырнадцатилетняя шустря Олена, убиралась, помогая матери. От печки тянуло жаром, в доме стоял приятный запах свежего хлеба.

— Кума Настасья, неужто ты ничего не знаешь?

— О чем ты, родная? Нет, не знаю. — раскрыв широко глаза, сказала Настасья.

— Буланко - то ващ подох ночесь, — соболезнуя, начала Аксинья.

Олена, взглянув на Аксинью, насторожилось. При первом известии о Буланке у Настасьи занялся дух. Некоторое время она не могла говорить. Ухват вывалился из рук, зашлепало в печке. Ее растерянные и бессмысленные глаза впились в куму Аксинью. Потом она вдруг заломала руки над головой и закричала:

— О Господи, Господи! Пошто такая кара! Неужто и впрямь пропадать нам нынче!

(Продолжение следует)